

ГЛОБАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНТОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ.
Северо-Юг: российский и мировой

А.П. ЛЮСЫЙ

«La della Italia создавалась на севере, перед зимним камином, и работало над нею северное воображение», – утверждал А. Веселовский касательно общеевропейских романтических стереотипов.

Теперь, однако, представляется, что такая основополагающая дихотомия, как Запад и Восток, еще более условна. Запад не един, а Востоков еще больше, чем Западов.

«...Весь Запад, – писал Федор Тютчев в начале Крымской войны, – пришел высказать свое отрицание России и преградить ей путь к будущему»¹. Однако антироссийская коалиция из нескольких стран, возникшая в результате ошибочной внешней политики России, это все-таки не «весь Запад». «Весь Запад» в таком понимании для России – это фантом, приобретающий кровь и плоть в результате чрезмерной веры в него. В стихах Тютчев писал, что «в Россию можно только верить», но как политический мыслитель сам уверовал – в «Запад!» Через много лет Андрей Белый оказался поэтически более точен и трезв, отмечая в письме: «И говорят нам – “Мы запад”. Но на западе “запада нет”. И говорят: “мы восток”. Где “Восток”?... Почему же все-таки “Восток или запад”? Да потому, что все треснуло: омертвела культура и – валится... расколотые половинки души симметрически закачались и выпали из нас – западом и востоком»². Как писал Андрей Белый в поэме «Глоссолалия», «наши восток и запады – мумии нашего духа».

Однако и в современных условиях фантом этот продолжает функционировать как в российских, так и «западных» головах. Об этом, в частности, идет речь в книге Уилла Хаттона «Мир, в котором мы живем» (М., 2004), которая как

¹ Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М., 1957. С. 405 – 406.

² Цит. по: Спивак М.Л. Звукообразы Невидимого града (Андрей Белый в работе над трилогией «Восток или Запад») // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М., 2003. С. 228.

раз могла бы послужить изменению самой традиционной историософской парадигмы отечественного сознания, помешающей России между Западом и Востоком, если была бы внимательно прочитана. В зависимости от исторических обстоятельств, Россия основные европейские веяния заимствовала, как в случае с чисто европейским, полагает Хаттон, феноменом коммунизма, модифицировала или оспаривала европейские веяния, но так и не стала частью Европы, потому что выбрала «американский» путь преобразований.

Хаттон проясняет, что теперь реальное положение России – не между «Западом» и «Востоком». В действительности Россия сейчас находится между «ближним» Западом (Европой) и «дальним» (США), по характерной российской инверсии оказавшемся в 1990-е годы «социально близким». Так что «младореформаторы» швырнули Россию, по чикагским моделям шоковой терапии, на дальний («дикий») Запад, вместо того, чтобы идти по более шадящему европейскому «ближнезападному» пути, сохраняющему более высокий уровень социальных гарантий³. Это при все большей проблематичности и самой «Европы». Само это слово «Запад» Европа применительно к себе применяла обычно не очень охотно, отождествляя себя скорее с такой точкой отсчета, как Центр. Юг в идеологическом смысле рассматривался с этих позиций как давнее прошлое человечества, Север – недавнее прошлое, Восток – вообще вне времени. Освальд Шпенглер, правда, написал книгу «Гибель Запада». Так русские переводчики тут же его и «поправили», получился «Закат Европы». В последнее время ментальная карта мира упрощается до мировых Севера и Юга.

Недавно К. Парте в статье «“Призрачное имущество” России: когнитивная картография и национальная идентичность» выявила **четыре разных ментальных карты**, которые легли в основу «географии» русской индентичности.

Первая – имперская карта великой России. «“Великая” в данном словосочетании означает, что образ страны превышает обычные параметры: это страна внушительных мас-

³ См.: Хаттон У. Мир, в котором мы живем. М., 2004.

штабов, сильная, влиятельная, великая, могущественная и древняя. Об органической нераздельности таких качественных характеристик, как «масштаб» и значительность, в каждом отдельном случае свидетельствует и широкое распространение эпитета «великая», и его многозначительность. Великая Россия — это, в первую очередь, государство: государственно ориентированный “Третий Рим”, который демонстрирует суверенную силу, будь то Московия, Империя Романовых, Третий Интернационал, Российская Федерация. В такой карте большую роль играют границы и проблемы их пересечения. При этом возникает парадокс: «Вместе со склонностью к поддержанию должных пограничных норм и к отговариванию людей от пересечения границ вообще, имперский менталитет также обнаруживает безмятежное чувство безграничности, ориентированное на бродяжничество и странничество»⁴. К. Парте приводит мнение В. Горского, что Россия стала разворачиваться на Восток из-за своего неумения жить в настоящем и неспособности самоорганизоваться.

Вторая ментальная карта — духовная. Она охватывает основные святые места — вне зависимости от русской границы, а также от того, реальны они или существуют только в воображении. Эта концепция не имеет отношения ни к так называемой национальной идее, ни к географическим или этническим данным. «Святая Русь — это почти космическая категория. По крайней мере, внутри ее границ (или ее безграничности!) обретают свое место и рай Ветхого Завета, и евангельская Палестина». В постсоветский период зарубежные аналитики продолжают усматривать в России воинствующий дух Третьего Рима, тогда как сама нация склонна ощущать себя скорее захваченным Иерусалимом. Для полноты ментальной карты нужно учитывать и то, и другое.

Развитие русской литературы отчасти происходило под воздействием идеи святых мест в России и мире, в свою очередь сама литература оказывала влияние на эту идею. Так, в романе Достоевского «Братья Карамазовы» повествователь (обращаясь к Смердякову) говорит о созерцательном типе

⁴ Россия и Запад в начале XXI века. М., 2007. С. 56.

крестьянина, который «вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим, скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то и другое».

Нередко святой город воспринимался русскими паломниками как продолжение России, так как ее широкие просторы не могли не сосредотачивать в себе все самое значительное. Город Ершалаим в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» — это Иерусалим в восприятии русского национального сознания. В финале романа Воланд и его ночные спутники улетают из Москвы в этот параллельный ей священный город. Воланд «махнул рукой в сторону Ершалаима, и он погас... Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокруг».

Третья карта носит символический национальный характер. Расположенные на ней большие и малые идеальные локусы вполне могут дать представление о России в целом. Эти локусы К. Парте называет “идеальными синекдохами”, выделяя среди них Сибирь (включая и ее специфические локусы типа Байкала или Иркутска), Москву (с ее Арбатом), Петербург (он же Ленинград и Петрополь Мандельштама), родные деревни (*малая родина*), любимые писательские усадьбы (пушкинское Михайловское, толстовская Ясная Поляна и др.) и даже поместья литературных героев (Обломовка).

«Каждый такой локус воспринимается в ореоле чистоты, непорочности и более того — праведности. Он может функционально заменять собой всю карту страны — и не только условно: ведь любой вред, ущерб, нанесенный такому локусу, или же пренебрежение к нему таят в себе угрозу для России в целом. Отсюда вывод о необходимости для России локализовать себя в каком-то определенном месте, в особом привилегированном и защищенном пространстве. «И в каждый данный момент существует ряд защитных локусов, каждый из которых несет в себе ответственность за сохранение России в целом, так как это целое неминуемо пострадает в случае исчезновения хотя бы одного из них».

Некоторые национальные регионы-символы (Сибирь, русский Север) или специфические центры (Москва) ис-

конно воспринимаются «более русскими», по сравнению с другими частями страны, которые считаются «менее русскими» или «нерусскими» вовсе. При этом происходит своеобразная пульсация символических центров (между Киевом, Москвой и Петербургом). Порой озвучивается идея, что истинная Россия («Русь») удалена от традиционного официального центра в провинцию или на границу (фронтир). Иногда ее местонахождение переносится вообще за пределы страны (в «русский Берлин» или «русский Париж»).

Одна из попыток решения данной проблемы находится в сфере идентификации значимых микрокосмов, которые находятся в русском культурном, духовном и политическом сознании, то есть в восприятии крестьянской деревни как России, Москвы или Санкт-Петербурга как России, усадьбы Пушкина как России. Или же, после 1991 года, несмотря на новые политические границы, Крыма или Приднестровья как России.

Места на этой карте, независимо от реальных границ того или иного исторического момента), служат индикаторами и гарантми *русскости* (принадлежности к русскому), т.е., иными словами, заповедниками подавленной или даже почти утраченной русской идентичности. Разными политическими силами используется термин «резервация» для обозначения места (преимущественно в сельской местности), куда загнаны истинные русские и где они неминуемо деградируют. Нередко в таких случаях делается сравнение с судьбой американских индейцев.

Наконец, четвертая ментальная карта — внутренняя, портативная. Ее семантика выражает то, что Иван Ильин определил как внутренняя Святая Русь. «Она присутствует в сердцах всех истинно русских вне зависимости от места жительства, — давая им чувство внутренней свободы даже в изгнании или плену. Подобно странствующей иконе, она следует за русскими, куда бы ни влекла их судьба. Хрестоматийные строки Тютчева «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить» уяснимы лишь в контексте образной основы потаенной, безграничной России, суть и смысл которой постигаются «не через факт, а верой». Наиболее сущностная эмблема «внутренней России» — град

Китеж. «Китеж — часть русского культурного мотива, связанного с феноменом *духовного подполья*. Сутью его является вера в то, что всё наиболее могущественное, священное и поставленное под угрозу исчезновения, становится невидимым миру — в противодействии уничтожению: своему собственному и Святой Руси. За века своего существования русские привыкли искать наиболее важные откровения правды, моральные и фактические, где-то за пределами, «между строк» видимого мира. Так, «подпольный человек» Достоевского говорит, что, кроме литературы, идти ему некуда. По странному совпадению сам Достоевский в своих вынужденных заграничных странствиях бродил по европейским городам в поисках России не среди других русских, но в читальнях, куда поступали русские газеты.

Итак, сделаем от себя вывод: Россия ищет убежище в Тексте, между строк мирового интертекста культуры. Сама реальность русской культуры выступает как литературопорожденная. Посредством литературы артефакт социального мира осмыслялся и входил в культуру как культурный текст. Прямым следствием этого стала нынешняя текстуальная революция в России, вылившаяся в стремлении концептуализировать тот или иной локальный текст культуры — Петербургский, Московский, Уральский, Сибирский, Алтайский, Волжский, Саратовский, Вятский и так далее. «Для того чтобы разорванная на автономные подуниверсумы культура воссоединилась в новую целостность, подуниверсумы должны “увидеть друг друга”, диалогически соотнести свои смыслы. Но это невозможно ни в одном из со-бытийствующих культурных пространств. Каждое из них плотно заполнено смыслами и не предполагает существования чего-либо, кроме себя самого. Такой глобальный антисократизм может быть разрешен только в “ничьем” пространстве. Этим “ничьим пространством” и способна стать художественная литература. Подобные тексты позволяют индуцировать некоторые черты будущей целостности, которые невозможно найти в иных типах дискурса (научном, социальном)»⁵.

⁵ Надеждина Е.В. Художественный текст в структуре реальности // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 190.

Мы предлагаем соотнести такие понятия, как «локальный текст культуры» и «региональная онтология». Последнее было введено в оборот основателем феноменологии Э. Гуссерлем, развито М.Хайдеггером и сравнительно недавно дополнено К. Хюбнером, предложившим концепт «альтернативных онтологий», в один прекрасный момент «настигающих» нас. По Гуссерлю, каждый бытийный регион имеет свою сущностную всеобщность, свое специфическое Априори. Отсюда проистекает потребность в систематическом исследовании идеальных структур всех регионов сущего. Такое исследование в то же время должно выполнять функцию прояснения фундаментальной сущности, идеи всякой науки того или иного категориального типа, а также идею ее метода как «смысла», предшествующего самой науке.

Предельными региональными онтологиями России в территориальном измерении являются онтологические пары «запад – восток» и «север – юг». Можно, в частности, утверждать о наличии особой российской «северо-южной» метафизики. Поэтому и стало возможным выделение особого Северного текста русской культуры как предельной внутренней текстуальной абстракции.

В целом процесс освоения Севера порождался не «материальными» (в широком смысле слова) интересами или нуждами людей, а преимущественно духовными. На север изначально шли не столько колонисты, сколько поток людей, руководствовавшихся православной идеей поиска Града Небесного, Царства Божия на Земле. Материальные интересы имели тут второстепенное значение. Южный культурный вектор имел в русской культуре более прагматичную направленность. Может быть, поэтому симметричный по отношению к Северному Южный текст представляет собой, если воспользоваться известным определением Умберто Эко, «отсутствующую структуру».

В последнее время ментальная карта мира упрощается до мировых Севера и Юга. Последнее десятилетие XX века прошло под знаком вспыхнувших надежд, а потом расставаний с иллюзиями насчет быстрого вхождения России в Европу. Осуществление на практике идей создания единого европейского дома теперь относится на отдаленное бу-

душее. В этой ситуации важно сделать более точными и надежными образы этого пространственного и временного расстояния между Россией и Европой. В рамках сегодняшних проектов сотрудничества можно говорить об образе: Россия и Северная Европа. Отчасти и экономическая ситуация проясняет, что более адекватным новой реальности становится мышление категориями Севера. Север при этом противоположен не столько Югу (Юг для него это скорее некое цивилизационное *Другое*), сколько — «Центру», определяющему мировой статус-кво. Американские отцы-основатели, в сущности, демонстрировали именно такое, *северное* мышление, видя своего главного противника не в экспансивных испанцах и португальцах, довольно решительно колонизировавших южную часть Американского континента, но — в Британской монархии. Фактически они восстали против своей исторической родины, препятствовавшей своим детям обрести автономную субъектность на открытом ими новом пространстве. Это характерная логика утопистов — и Север вообще является архетипом множества утопий.

Север, выводящий сознание за пределы иерархически централизованного существующего порядка, формирует особое мировоззрение — *позитивный* постмодерн, обращенный к чему-то еще неосуществленному, но, если воспользоваться принципами понятийного творчества М. Эпштейна и их геокультурным наполнением у В. Штепы, «прото-реальному». Север снимает все догматические противоречия, но не за счет их «усреднения», а — трансцендентализации.

Северный человек — это всегда творец и первооткрыватель нового мира, тогда как южная цивилизация всегда тяготеет к символике конца, финала. Так что не случайно такие возникшие на юге «мировые религии», как христианство и ислам, появившиеся на Ближнем Востоке, особенное внимание уделяют эсхатологии. Если в северной мифологии (к примеру, в скандинавской) «гибель богов» означает переход в новый цикл, то в южных религиях — это тотальный «конец света». Эта религиозная разница проявляется и в фундаментальном антропологическом различии северян и южан. Данная антропологическая разница предопределяет и глобаль-

ное экономическое «разделение труда» в наступающей эпохе. Северяне генерируют идеи, смыслы, образы, стратегии, технологии, программы и т.д., а южанам остается лишь воплощать эти разработки в материальные формы.

В данном случае речь идет о символической географии, которая уступает место физической. Не имеет значения, где производится сборка — на автозаводе под Петербургом или на швейной фабрике в Китае — в любом случае это один и тот же символический Юг. Север символизирует стремление к творческой самореализации, а Юг — в большей мере физическую экспансию. Северяне никогда не знали рабства, которым преисполнена история южных цивилизаций. Если южная перенаселенность неизбежно влечет за собой отношения «господ» и «рабов», то разреженному Северу свойственен скорее «братский» тип отношений. «Холодная» среда порождает «теплый» социум. Авторы «Философии Севера» полагают: «Философия освобождения коренных малочисленных народов заключается не столько в достижении независимости от кого-либо, сколько в обеспечении всесторонней взаимозависимости»⁶. Эта формула великолепно гармонирует с тезисом английского социолога Роланда Робертсона о «глокализации», т.е. синтезе глобальных интересов и локальной самобытности. (Пока же в отношении северных народов со стороны центральной российской власти можно наблюдать именно стремление к их изоляции — поскольку эту власть интересуют в первую очередь лишь сырьевые богатства, расположенные на земле этих народов, а не сами народы как таковые.)

Подобно тому, как на Севере сходятся Запад и Восток, происходит здесь «сочетание противоположностей» и во множестве иных сфер. Проект основанной на Северной культуре Северной цивилизации предусматривает прямое, без посредничества государственных чиновников, взаимодействие глобальных сырьевых корпораций и структур местного самоуправления. Север представляет собой и другое

⁶ Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард — Новосибирск, 2006. С. 92.

«сочетание противоположностей» — добычи сырья и развития высоких информационных технологий, или, иными словами, «первичного» и «четвертичного» секторов. Рутинные конвейерные производства все более становятся делом «третьего мира», тогда как постиндустриальная экономика сосредотачивается на разработке новейших программ и технологий, а также подготовке уникальных специалистов. Вместе с тем сырьевой характер нынешней северной экономики (дающей до 70% экспортной прибыли РФ), необходимо рассматривать не как «обузу», но как основу нового синтеза: «Это значит, что следует мыслить не в терминах тонн, штук, кубометров, а в терминах изощренного и определенного позиционирования продукта на рынке. «От кутюр» могут быть не только галстуки или кофе, но и природный газ или медный концентрат». Северному сырью необходимо создать имидж глобально уникальной продукции — но это задача не самих сырьевиков, а как раз «нового сословия» творцов новой культуры — медиа-технологов. Принцип власти на Севере — не бюрократический централизм, но «вечевое» самоуправление. Утверждая это, В. Штепа ссылается на книгу французского философа Гийома Файя «Археофутуризм». На его взгляд, XXI век будет характеризоваться неожиданным синтезом «древнего» и «сверхсовременного»⁷. Тогда как актуальная эпоха доказывает свое полное исчерпание хотя бы уж тем, что в нынешнем обществе практически напрочь отсутствует всякое стратегическое проектное мышление, выходящее за рамки сиюминутного «решения текущих проблем». Сегодня общество погружено в иллюзию «реалий сегодняшнего дня» (ежедневно меняющуюся), а мышление в широком историческом диапазоне считается «утопическим». Но это весьма характерная ситуация как раз накануне исторических перемен.

«Новый “северный проект” требует настоящей революции в политическом мышлении, по масштабу подобной петровской, — когда вся прежняя московская “элита”, умевшая только собирать дань, была отправлена в историческую

⁷ Штепа В. Пост-Запад и прото-Север // <http://www.apn-spb.ru/publications/comments575.htm#comments>

“отставку”. Новые города, которые возникнут вдоль магистрали, будут принадлежать иной цивилизации, для которой всякий “национально-государственный” централизм выглядит глубоко архаичным»⁸.

Ясно одно — в условиях глобализации нам нужны новые мировоззренческие ориентиры самосознания и взаимопонимания сквозь старые и новые «железные» и «бумажные» занавесы.

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА: МИФОДИЗАЙН

А.В. УЛЬЯНОВСКИЙ

Мифодизайн работает с современными социальными мифами, которые выступают, прежде всего, выражением ценностных представлений, свойственных конкретному социуму. В современном обществе социальная мифология объективируется в брендинге. Современный бренд — ни что иное, как социальный миф, воплощающий некие надежды, чаяния и прочие мечты. В этой связи открываются новые дополнительные возможности анализа современных социальных мифов, связанные с осмыслением концептуального аппарата таких развитых технологий социальной коммуникации, как брендинг, реклама, PR, на пересечении которых структурируется мифодизайн. Он является проектным междисциплинарным методом, позволяющим совместить утилитарную эффективность, свойственную прагматичным бизнес-инструментам с глубоким нормативно-ценностным содержанием конкретных культур и субкультур. Коммерческие коммуникации в современных условиях опираются на мифологическое сознание целевых аудиторий. В результате массовые коммуникации центрируются на социальных мифах, что позволяет и достичь целей заказчиков и внести позитивный вклад в жизнь своих целевых аудиторий.

⁸ *Штена В.* Вертикальная горизонталь: 82 000 метров из «вчера» в «завтра» // <http://www.idelo.ru/397/10.html>